

КНЯЗЬ ЛЬВОВ: *революция и судьба*

Татьяна Громова

Н

Незавидная и несправедливая доля: умереть в одиночестве на чужбине, с тоской по родине, непонятым и оклеветанным одними, забытым другими. Так 6 марта 1925 года в Париже умер русский князь Георгий Евгеньевич Львов. Последние годы его жизни прошли тихо и печально, он избегал светской жизни, плохо говорил на иностранных языках, и сильно тосковал по России и всему русскому. После смерти оказалось, что похоронить князя не на что. Русские эмигранты собрали необ-

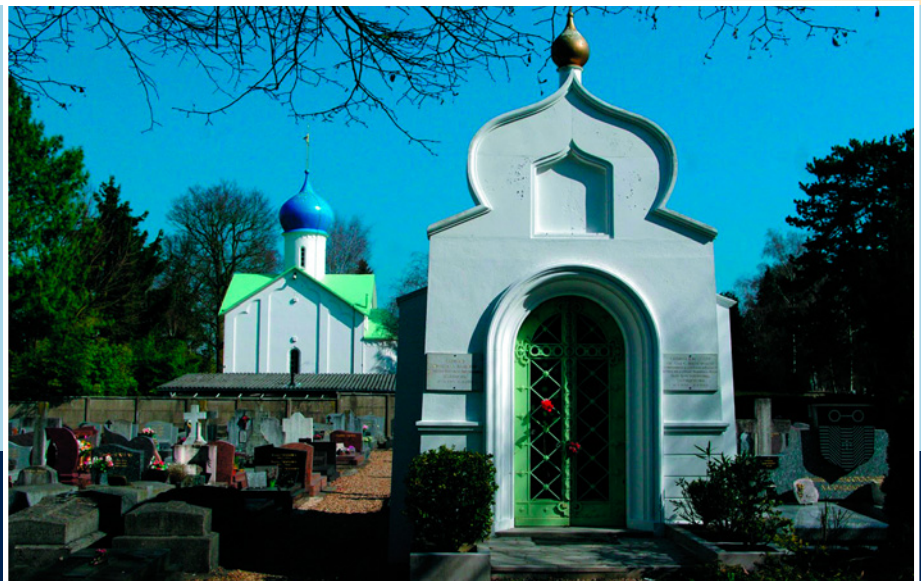
ходимые средства и купили место на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

Закончилась жизнь человека, принадлежавшего к старейшему роду Рюриковичей, который правил Россией 700 лет. Волею судьбы он, как и его предки, также оказался на вершине государственной пирамиды – был первым, кто возглавил Временное правительство после Февральской революции 1917 года. Но и до переворота Львов был уважаемым общественным деятелем, делегатом первой Государственной Думы,

основателем Всероссийского Земского союза, председателем Земгора.

Георгий Евгеньевич родился в 1861 году в Дрездене, где его родители – Евгений Владимирович и Варвара Алексеевна Львовы оказались во время путешествия в Европу. Детство Георгия и его старших братьев, Алексея и Владимира, прошло в имении Поповка Тульской губернии. Когда дети подросли, семья переехала в Москву, чтобы дать им хорошее образование. Здесь Георгий учился вначале в гимназии,

← Князь Георгий Евгеньевич Львов, 1-й Министр-председатель Всероссийского Временного Правительства, 2(15) марта – 7(20) июля 1917 года.

Православные храмы на «русском» кладбище Парижа Сент-Женевьев-де-Буа.

а затем на юридическом факультете Московского университета.

«Студентом он совсем бросил Москву. Приезжал только весной на

экзамены. Был еще старый устав, и зачеты в университете не требовались. Мы знали, что у него имение в Тульской губернии, что имение

запущено, и положение стариков [родителей] почти бедственное. Он стал там хозяйствовать; ходил зимой сам с обозами, продавал хлеб (брат мой рассказывал, как он в таких случаях умел «усиживать» по три самовара с покупателями). У него была совсем особенная, деловая складка, уменье работать и любовь к работе, без которой жизнь для него была невозможной. Именье он скоро вытравил, стариков обставил и устроил, как нужно...», – вспоминала Екатерина Михайловна Лопатина, хорошо знавшая князя в молодые

Когда дети подросли, семья переехала в Москву, чтобы дать им хорошее образование. Здесь Георгий учился вначале в гимназии, а затем на юридическом факультете Московского университета.

Баррикады, воздвигнутыя революционными войсками на Литейномъ пр. 27 февраля.

Баррикады на Литейном в дни Февральской революции 1917 года.

годы, когда он дружил с ее братом, философом Львом Лопатиным, после 1917 года, эмигрировавшая, как и многие из их круга, во Францию.

Окончив в 1885 году университет, Львов снова уехал в Тулу, где четыре года работал членом губернского присутствия, но вступился за

жестоко наказанных начальником крестьян, что привело к разрыву с местными властями. Выход в отставку, впрочем, Георгия Евгеньевича не огорчил, его давно влекла реальная практическая работа в земском движении, зародившемся в России после отмены в 1861 году крепост-

ного права, и к концу XIX столетия все больше набиравшем силу. Он хорошо знал, понимал и любил деревню, в своих незаконченных воспоминаниях (в последний год князь Львов начал писать мемуары, но работу оборвала скорострительная смерть) оставив яркие образы

← Дореволюционная Россия. Сжатое поле. Фотография Сергея Прокудина-Горского. 1912 г.

Революционная судьба Малого Николаевского дворца, построенного в Московском Кремле, рядом с Чудовым монастырем, архитектором Матвеем Казаковым в XVIII веке. Фотография 1917 г.

В этом дворце жил великий князь Николай Павлович, родился, будущий император Александр II, после возвращения из ссылки, встречался с Николаем I Александр Сергеевич Пушкин. В конце октября 1917 года Малый Николаевский сильно пострадал от артиллерийского обстрела Кремля большевиками, а в 1929 году и вовсе был снесен для постройки на его месте военной школы Красной Армии.

Фельдмаршалский зал Зимнего дворца.
Худ. Эдуард Гай. 1866 г.

деревенской жизни Центральной России на рубеже XIX и XX веков.

Убежденный толстовец, князь всегда стремился к мирному улаживанию неизбежно возникавших конфликтов, а своей главной задачей полагал содействие «*постепенному обновлению общественного строя в целях устранения из него господства насилия и установления условий, благоприятных доброжелательному единству людей*». Его великий земляк Лев Толстой, хорошо знавший всю семью Львовых, также одобрительно относился к деятельности Георгия.

По воспоминаниям Керенского, «*в Союзе земств он настойчиво отстаивал право крестьян быть представленными в политической*

Убежденный толстовец, князь всегда стремился к мирному улаживанию неизбежно возникавших конфликтов, а своей главной задачей полагал содействие «постепенному обновлению общественного строя в целях устранения из него господства насилия и установления условий, благоприятных доброжелательному единству людей».

жизни страны; стал одним из основателей либерального течения в земствах, которое с начала века играло роль авангарда в борьбе за Конституцию, приведшей к манифесту 17 октября 1905 года. По натуре это был застенчивый сдержанный человек, который мало говорил, но был прекрасным слушателем. Он обладал выдающимся организаторским талантом и его огромный моральный авторитет

проявил себя в создании им Всероссийского союза земств».

Общеземская организация во главе с князем Львовым всегда заявляла себя там, где обнаруживалось народное бедствие, где нужна скорая и действенная помощь. Во время русско-японской войны Георгий Евгеньевич был членом комиссии 360 уполномоченных от 14 губернских земских организаций, выехавшей в Манчжурию для организации

Манифест об отречении Николая II от престола в приложение к газете «Подольские губернские ведомости», № 18 от 1917 г.

передвижных медицинских пунктов для русских солдат. Известна его помощь командующему армией генералу А.Н. Куропаткину в организации в Харбине лазаретов для раненых.

С началом Первой мировой войны Львов возглавил Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам, а после объединения его со Всероссийским союзом городов, когда был создан Земгор, возглавил его. Земгор – Главный по снабжению армии комитет Всероссийских земского и городского союзов – кроме поставок для армии одежды и обуви, занимался оборудованием госпиталей и санитарных поездов. Так, в его ведении находилось 75 поездов и 3 тысячи лазаретов.

Земская работа завоевала Львову широкую известность – в России его знали и ценили. В августе 1915 года Георгий Евгеньевич попал в список «правительства доверия», составленный членами «Прогрессивного блока» как претендент на пост министра внутренних дел.

К началу 1917 года рост рабочего и крестьянского движения в России достиг критической точки. Голодные бунты, развал в армии, «нелояльность» Думы. К концу февраля всеобщая забастовка переросла в вооруженное восстание, рабочих поддержала солдатская толпа, которая отказывалась подчиняться офицерам и воинской дисциплине, и вскоре правительственные здания Петрограда были заняты. Толпы демонстрантов хлынули к Таврическому дворцу, где заседала Государственная Дума, требуя от депутатов создания «правительства народного спасения». Революция вывела из строя механизмы управления, всюду царил полный беспорядок. Верность царю сохраняли лишь немногочисленные войска, но справиться с анар-

Приложение къ № 18 Под Губ. Вѣд. 1917 г.

Цѣна 6 коп.

Высочайшій Манифѣстъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашиимъ подданнымъ:

„Въ дни великой борьбы съ вѣшнимъ врагомъ, стремящимся почти три года поработить Нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіяся народныя внутреннія волненія грозятъ ѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь геройской Нашей Арміи, благо народа, все будущее дорогого Нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія Наша, совмѣстно со сланными Нашиими Союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ совѣсти облегчить Народу Нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную Власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ Нашиимъ, Мы передаемъ наслѣдіе Наше брату Нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату Нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены. Принеся въ томъ ненарушимую присягу во имя горячо любимой Родины, призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нами, повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытанийъ и помочь Ему вмѣстѣ съ представителями народа вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„НИКОЛАЙ“

Данъ в мартѣ 15 часовъ 1917 г.
Городѣ Царскъ.

Грѣшитель Министръ Императорскаго Двора Генералъ-Адъютантъ Графъ Фредериксъ.

Внизу:

Восставшие революционные массы врываются в Зимний. Из цикла документальных зарисовок 1917 года, сделанных Иваном Владимировым, работавшим в этот период в Петроградской милиции.

Даровая столовая.
Худ. Василий Навозов. 1888 г.

Губернские и уездные земские комитеты в дореволюционной России возводили приюты, организовывали сбор пожертвований, в неурожайные годы организовывали бесплатные столовые и раздавали хлеб.

хийей, охватившей столицу, они не могли. Не пробились к Петрограду и брошенные им на подмогу части, снятые с фронта.

2 (15) марта 1917 года Николай II был вынужден подписать манифест об отречении от престола, и указ о формировании нового правительства. Председателем Совета министров он назначил князя Львова. Причем, указ Правительствующему Сенату об этом назначении датирован 2-мя часами дня 2 (15) марта, то есть на час раньше времени, проставленного в отречении.

В тот же день временным комитетом Государственной Думы Георгий Евгеньевич Львов был назначен

министром-председателем и министром внутренних дел. *«Первые недели революции – время обнаженных нервов; – вспоминал очевидец, – время, когда народ, больше чем когда-нибудь, живет только воображением, только чувством, только впечатлениями».*

Кабинет Львова объявил амнистию всем заключенным, отменил смертную казнь, национальные и конфессиональные ограничения, ввел хлебную монополию, начал подготовку к созыву Учредительного собрания. Активно начали работать земельные комитеты по аграрному законодательству, была возвращена независимость Финлян-

дии, начались переговоры с Польшей, Украиной, Литвой о самоопределении. Советы рабочих депутатов Львов считал «досадной помехой», а не «второй властью». Тем не менее, в апреле 1917 года на заседании Временного правительства он выдвинул идею «коалиции с социалистами». Идея оказалась непродуктивной: новое, коалиционное правительство с министрами-социалистами лишь ослабило правительственный аппарат и не могло справиться с нарастающими крестьянскими волнениями, которыми был отмечен май. К тому же наступление на фронте, на успех которого Львов надеялся, окончилось поражением.

Демонстрация работниц Путиловского завода в первый день Февральской революции 1917 года.

Советы рабочих депутатов Львов считал «досадной помехой», а не «второй властью». Тем не менее, он выдвинул идею «коалиции с социалистами». Идея оказалась непродуктивной: новое, коалиционное правительство с министрами-социалистами лишь ослабило правительственный аппарат и не могло справиться с нараставшими крестьянскими волнениями, которыми был отмечен май.

Из воспоминаний британского посла Бьюкенена: «Князь Львов как глава Земского союза и Союза городов проделал бесценную работу по организации вспомогательных учреждений для снабжения армии теплой одеждой и другими крайне необходимыми вещами, и он, как и его коллеги, был бы превосходным министром при обычных обстоятельствах. Но ситуация являлась вовсе необычной, и в предстоящей борьбе с Советом нужен был человек действия, готовый воспользоваться первой же удачной возможностью для подавления противников и противозаконно созданного ими органа. В правительстве такого человека не оказалось».

«Что делать, когда русская действительность никого не приготовила к этому

страшному часу», – добавит по этому поводу один из ведущих московских муниципальных деятелей конца XIX – начала XX веков, бывший Московский городской голова Николай Иванович Астров, хорошо знавший Львова по совместной работе еще в Главном комитете Всероссийского союза городов.

НЕЛЮБОВЬ к ПОЛИТИКЕ

Все без исключения современники Львова, упоминавшие его в своих мемуарах, вспоминали Георгия Евгеньевича как высоко нравственного человека, умевшего выслушать, понять и искренне помочь. Столь же искренней была и его любовь к простым людям, чуждая, однако, «народничества», столь любезного российской интеллигенции

Временный комитет Государственной думы, сформированный 27 февраля (12 марта) 1917 года в Петрограде. Крайний слева в первом ряду – Георгий Евгеньевич Львов. Фото Карла Буллы.

По словам очевидцев, он не любил даже само слово «политика». Это немало раздражало его коллег Милюкова, Гучкова, Керенского, политизированных до мозга костей. Он вообще резко отличался от деятелей, которые впоследствии станут его политическими соратниками.

XIX столетия, жизнь самого народа нередко представлявшей смутно. Отмечали современники и его необычайную скромность и деликатность, личную неприязнательность, отсутствие честолюбия и красноречия, умение полностью отдаваться делу. Он обладал прочной репутацией опытного, безупречного и делового работника, чуждого интригам и политическим подоплекам, на которого можно было положиться в трудную минуту.

«Он привлекал к себе внимание людей и общества не яркостью своей фигуры, не особой талантливостью, не красноречием, – писал Николай Иванович Астров, – а каким-то неуловимым излучением обаяния всей своей личности, гармоническим сочетанием чрезвычайной простоты и внимательности к людям, каким-то особенным подходом к ним, в котором была большая доверчивость, приязнь и признание в каждом полноты его

личных свойств. Совершенно не владевший словом в многочленных собраниях, застенчивый и смущавшийся на людях, он оказывался очаровательным и незаменимым собеседником в деловых разговорах, обнаруживая большой такт, находчивость, решительность, настойчивость и остроумие».

Высшего государственного поста Георгий Евгеньевич Львов сам никогда не домогался, более того, к подобной работе не имел ни

Первый состав Временного правительства России, высшего законодательного и исполнительного органа государственной власти в России в период между Февральской и Октябрьской революциями 1917 года.

Внизу:

Члены Временного правительства у братской могилы на Марсовом поле во время похорон жертв Февральской революции 23 марта 1917 года.

малейшей склонности. Она была связана с большой политикой, а он считал себя практиком и только практиком, и, действительно, был таковым. К тому же, ни в одну из схем, которые представляли в то время программы русских политических партий, его индивидуальность не укладывалась. *«Князь Львов никогда не придерживался партийных взглядов, – писал Керенский, – и после кратковременного сотрудничества в I Думе с партией народной свободы он уже никогда не входил ни в какие партии, ни в политические или заговорщические организации».*

По словам очевидцев, он не любил даже само слово «политика». Впоследствии, в период Временного правительства, это будет раздражать его коллег – Милокова, Гучкова, Керенского и других – политиков до мозга костей. Он вообще резко отличался от деятелей, которые впоследствии станут его политическими соратниками.

Погром винного магазина.
Из цикла документальных зарисовок
1917 года, сделанных Иваном
Владимировым, работавшим в этот
период в Петроградской милиции.

Как вспоминал Керенский: «В этом глубоко религиозном человеке было что-то славянофильское и толстовское. Приказам он предпочитал убеждения и на заседаниях кабинета всегда стремился побудить нас к общему согласию. Его часто обвиняли в слабости. Такое обвинение было абсолютно безосновательным, в чем я и убедился, познакомившись с ним в декабре 1916 года. Он «слепо» верил, как

Хроника революции: арест и конвоирование переодетых Петроградских городовых. Февраль 1917 года.

К тому же, думские деятели, мечтавшие о свержении монархии, вовсе не хотели, чтобы на смену царю пришел какой-нибудь «Наполеон». Вот почему князь Львов виделся им самым подходящим кандидатом на пост главы после-революционного правительства.

утверждал Гучков, в неизбежный триумф демократии, в способность русского народа играть созидательную роль в делах государства. И не уставал и на людях, и в частных разговорах повторять слова: «Не теряйте присутствия духа, сохраняйте веру в свободу России!»

Хроника революции: свержение памятника Столыпину в Киеве во время Украинской манифестации 19 марта 1917 года.

Дореволюционная Россия.
Команда парохода «Шексна».
Фотография Сергея Прокудина-Горского.
1909 г.

В эпоху пошатнувшихся устоев и разбушевавшейся стихии моральные установки князя Львова оказались плохим подспорьем для умирения бунтующих революционных масс. *«Надо было стрелять в народ, сказал он, а я этого не мог»*, – уже в изгнании напишет Георгий Евгеньевич.

Чужим он стал скоро и «своим». Всегда ровный, тихий, мало говорящий человек, князь Львов многих министров раздражал своей чрезмерной терпимостью, предпочитавших видеть в главе государства, каким по сути являлся Министр-председатель Временного Правительства, больше руководящей воли.

Внизу:
Юнкера на Дворцовой площади Петрограда. Сзади видна арка Главного штаба. Фотография 1917 г.

Крестьянка, расчесывающая лен (Анисья).
Худ. Алексей Гаврилович Венецианов.
1822 г.
Тверская областная картинная галерея.

*«На совещаниях Государственной
Думы князем стали тяготиться.
Потом «игнорировать», пренебре-
гать за «бессилие», наконец, почти*

*ненавидеть за «попустительство
левым». (Керенский).*

8(21) июля 1917 он подал в от-
ставку, уступив место Александру

Хроника революции: митинг на Невском проспекте после февральской революции 1917 года.

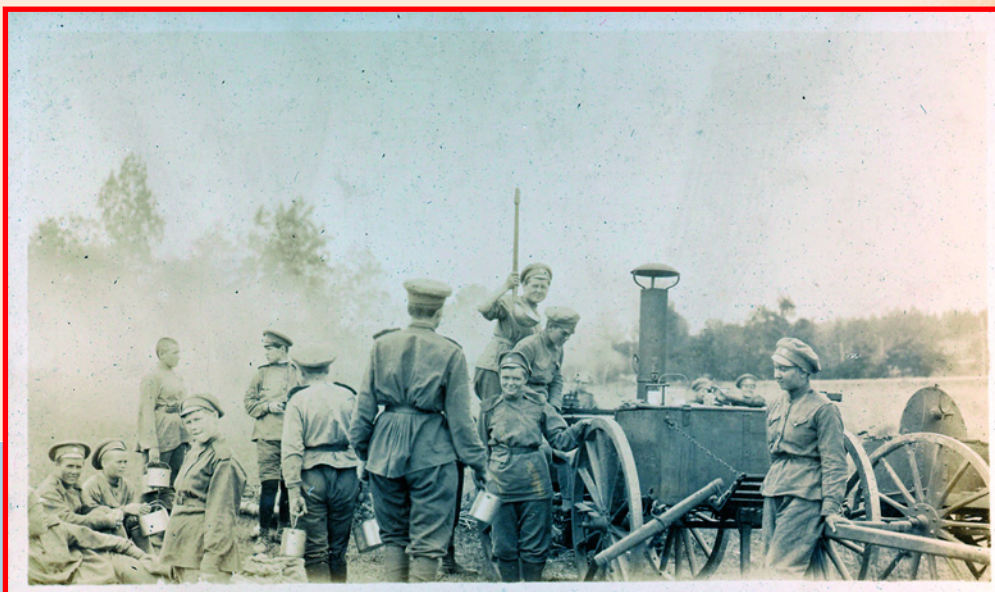
Федоровичу Керенскому, занимавшему во Временном правительстве пост министра юстиции и одновременно бывшего одним из заместителей председателя Петроградского совета. Впрочем, ни ему, ни Белой гвардии, тоже оказалось не по силам провести уже тонущий корабль русской

государственности по морю разыгравшейся бури революционной стихии.

Уйдя из Временного правительства, князь Львов исчез, и долгое время о нем никто не слышал. Уже после стало известно, что он провел некоторое время в Оптиной Пустыни. С приходом к власти большевиков

Внизу:

Женские батальоны, созданные Временным правительством, по инициативе Марии Бочкаревой, с пропагандистской целью: поднять патриотический настрой в армии и устыдить собственным примером мужчин-солдат, массово дезертировавших после Февральской революции с фронта.

Хроника революции: антиправительственные выступления 3-5 (16-18) июля 1917 года, возглавляемые большевиками. Демонстранты выдвинули требования отставки Временного правительства, передачи власти Советам и переговоров с Германией о заключении мира.

бежал в Тюмень, где в феврале 1918 года был арестован и препровожден в Екатеринбург. В тюрьме Георгий Евгеньевич кашеварил и занимался наведением чистоты в камерах. Тут же ему пришлось, когда на смену русским мужичкам в шинелях тюремщиками стали «интернационалисты» из австрийских и немецких военнопленных. Он снова бежал, уже в Омск, связавшись с представителями белого движения, с их помощью уехал в октябре 1918 года в Америку, где встречался с президентом Вильсоном.

Имя Львова в Америке было известно, за полтора года до того Вильсон поздравлял его с освобождением России от самодержавия, поэтому князю удалось получить аудиенцию в Белом доме. Он просил помочь несчастной России избавиться от большевиков. Вильсон вежливо улыбался, но обещать ничего не стал. Когда же после ухода князя

Львова помощник спросил Вильсона, какое у него впечатление от посетителя, президент отшутился: у него красивая борода...

Лишь недавно американские историки докопались до того, о чем в действительности думал Вильсон, принимая Львова и других ходоков по делам русской революции. Президент считал, что большевизм ни в коем случае нельзя душить: он сам в конечном счете приведет Россию к гибели, или во всяком случае резко ослабит ее, и тем самым устранил опасного конкурента Америки на мировой арене. Не посвящая даже правительство своей страны, не говоря о Конгрессе, в свои политические расчеты, Вильсон делал все, чтобы не дать погибнуть большевизму. Кстати, когда по прошествии десятилетий об этом заговорили в США, разразился скандал, авторов первых публикаций на эту тему изгоняли из университетов.

Князь вернулся в Европу, обосновался в Париже и занялся посильной помощью русским детям. Для них он устраивал школы и гимназии, организовывал летний отдых. Многие эмигранты обязаны Георгию Евгеньевичу тем, что сохранили родной язык, не потеряли русскости. К слову, в это самое время щедрую помощь в устройстве мальчиков и девочек из русских эмигрантских семей предлагал Ватикан; правда, при одном условии – отказа от православия и перехода детей в католичество. Немногие воспользовались этой подлой «благотворительностью».

В 1919 году с целью участия в Парижской мирной конференции Георгий Евгеньевич стал организатором созыва Русского политического совещания из бывших российских послов царской России, деятелей белого движения и эмигрантов. Но его полномочия не были признаны союзническими державами.

В эмиграции он жил одиноко. В сорок лет Львов женился на младшей дочери крупного сахарозаводчика, владельца соседней с их имением Богородицкой усадьбы Бобринских, Юлии. Как вспоминала Лопатина, по глубокой взаимной любви. Но семейное счастье оказалось коротким – избранница князя была слабого здоровья и умерла через два года, детей у них не было. *«С неожиданной смертью жены и утратой надежды иметь сына как бы совершенно окончилась его личная жизнь. Мы никогда не говорили с ним об его горе, и как-то не говорил никто. И много спустя, даже здесь за границей, – ни фотографий, ни каких-либо воспоминаний. Точно ничего никогда*

не было, точно, правда, людское счастье было не для него...»

В последние годы жизни Георгий Евгеньевич сильно бедствовал, на жизнь зарабатывая тем, что нанимался поденщиком по деревням, неподалеку от французской столицы: косил, копал картошку, мастерски обрезал деревья в саду. Дававшие ему работу крестьяне и представить не могли, кто он такой. Впрочем, не очень и задумывались, воспринимая его, как и всех русских: непонятные люди из непонятной страны. И в этом судьба князя схожа с судьбами многих русских людей, тогда, в 1917-ом, оказавшихся брошенными в эпоху исключительных по грандиозности и сложности событий.

В последние годы жизни Георгий Евгеньевич сильно бедствовал, на жизнь зарабатывая тем, что нанимался поденщиком по деревням, неподалеку от французской столицы: косил, копал картошку, мастерски обрезал деревья в саду. Дававшие ему работу крестьяне и представить не могли, кто он такой. Впрочем, не очень и задумывались, воспринимая его, как и всех русских: непонятные люди из непонятной страны...